

Максим Смирнов

РОМАН НА САЛФЕТКАХ

Сборник рассказов

Максим Смирнов

Роман на салфетках.

Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33391853

ISBN 9785449082503

Аннотация

Максим Смирнов пишет изобретательно и легко. Его рассказы начинаются с места в карьер, без долгих предысторий, и резко обрываются, когда тема исчерпана. Сюжеты неожиданны и парадоксальны, серьезные конфликты возникают внезапно и разрешаются быстро – но ведь наша современная жизнь именно такова. Важнейшее качество рассказов Максима Смирнова – доброта. Автор верит в любовь и обязательность счастья. Эта вера передается и его героям, и нам – читателям. Денис Драгунский

Содержание

Предисловие автора	5
Чашка	6
Неудачное свидание	8
Интернет	12
Золушка	15
Свадьба	23
Дача с перерывом на любовь	26
Грузинский таксист	30
Моя Грузия	32
Чемодан	36
Человек под зонтом	39
Морская прогулка	41
Случайная встреча	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Роман на салфетках

Сборник рассказов

Максим Смирнов

Иллюстратор Мария Малышева

Корректор Ольга Ермолаева

© Максим Смирнов, 2018

© Мария Малышева, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4490-8250-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие автора

Дорогой читатель! С трепетом и радостью представляю тебе свой первый сборник рассказов. Начну со слов благодарности. Спасибо моей любимой жене Маше за терпение, любовь, поддержку и иллюстрации для обложки – без неё эта книга не появилась бы на свет. Спасибо Денису Драгунскому за бесценные советы и помощь, за его время и участие. Спасибо Майе Кучерской за школу Creative Writing School. И спасибо тебе, мой читатель, за то, что держишь в руках эту книгу! Надеюсь, тебе понравится.

Чашка

– Кофе?

Она радостно кивнула и потянулась в кровати. Он встал, поцеловал её и пошёл на кухню.

Через десять минут аромат сваренного кофе заставил её открыть глаза. Перед ней на подносе стояли две чашки и бутерброды.

– Когда ты успел? – она приятно удивлена.

Он не ответил, подмигнул и придвинул к ней чашку поменьше, со смешным медведем и сердечком.

– Забавная чашка.

– Моя любимая.

– О, тут надпись... «Думай обо мне каждое мгновение».

Она поспешила объяснить:

– Это я сама себе купила. Мишка понравился.

– Сама? С такой надписью и сердечком? Уверена? Может, поклонник? Да ты не переживай, что здесь такого – подумаешь, поклонник чашку подарил.

– Говорю же, нет. Какой поклонник?

– Не знаю, какой. Который хотел, чтобы ты о нём думала.

– Да нет же, говорю, сама купила!

– Ну хорошо, не переживай так. Съешь бутербродик. С сыром или с икрой?

Начала жевать и задумалась. Как же его звали? Коля, кажется. Скромный такой. Всё в кино звал. А она ни разу не пошла, отшила. Сейчас даже не понятно, почему. На прощание мялся и наконец вручил какой-то свёрток: «Вот, возьми, это на память, чтобы вспоминала меня». Как-то тепло стало от чистоты его чувств.

На следующее утро, наливая чай, сказала вполголоса, глядя на чашку:

– Ну, привет, Коля!

Вот ведь негодяй. Добился своего.

Неудачное свидание

На свидании всё пошло не так. Впрочем, я так и думал. Вообще не надо было о нём договариваться! Проклятая вежливость...

Бегу, чертыхаясь, так как проехал нужную станцию, опять зачитавшись. Вбегаю в кафе, вижу её, сидящую спиной, чёрные волосы мягко накрывают плечи. Неуклюже плюхаюсь на стул напротив, по пути толкая официанта, говорю: «Привет», но это не она. Не она! Девушка смотрит на меня с удивлением и интересом. И конечно, тут же крепкий детина толкает меня в бок и уточняет: «Парень, ты не ошибся?»

Я беспомощно оглядываюсь и ловлю наконец её взгляд. Она улыбается – видимо, наблюдала всю сцену.

– Как нога и туфли?

– Всё хорошо. Зря ты это затеял, всё в порядке, не стоило.

Вчера, возвращаясь с работы на метро (на машине не поехал – хотелось дочитать так увлекшую меня книгу, «Камо грядеши» Сенкевича), отпустил поручень и при резком торможении поезда достаточно чувствительно приложился к стоящей рядом девушке, ещё и ей на ногу наступил. Девушка вздрогнула, мгновение недоумённо смотрела на меня и вдруг заплакала. Я оторопел и начал извиняться:

– Простите, пожалуйста, не удержался. Ну простите! Почему вы плачете?

Она вдруг перестала плакать и воскликнула с вызовом:

– Мне больно!

– Я не хотел (что за детсадовские штампы!).

– А мне-то что! Вы что, не могли держаться получше? Неужели сложно?

А потом, всхлипывая, добавила:

– Вы мне туфли испортили...

Я опешил, и это, видимо, было заметно по моему лицу, потому что всхлипы прекратились. Чувство вины меня ещё мучило (было невыносимо смотреть на плачущую из-за меня девушку), но вдруг возникла обида: я же не специально, чего на меня кричать?! Это было тем более странно, что девушка производила впечатление не скандальной, а в руках держала томик ещё советского издания Тургенева – обратил внимание – люблю старые книги с желтеющими страницами, пахнущими временем. А тут ещё плач – я совсем растерялся.

В общем, она меня простила, мы почти мило улыбнулись друг другу и углубились каждый в свою книгу, крепко держась за поручни, конечно.

Но читать я не мог. Меня вдруг накрыло такое раскаяние, как будто я совершил что-то страшное. Так и стояло перед глазами её заплаканное лицо, благо для того чтобы обновить воспоминание, достаточно было повернуть голову.

– Простите меня ещё раз, – обратился к ней опять я, когда

поезд остановился на следующей станции.

– Да ничего.

– Послушайте, как вас зовут?

– Настя.

– А меня Михаил. Можно вас как-нибудь угостить кофе?

Мне так неудобно, что я заставил вас плакать.

На её лице появилась настороженность, и она уже начала качать головой, собираясь, видимо, сказать «нет», но тут её взгляд упал на мою книгу. Было видно, что она удивилась, потом задумалась и уже спокойнее сказала:

– Давайте, только я не могу сейчас.

– Может, перейдём на «ты»?

– Давайте... Давай.

Договорились встретиться на следующий день. Засыпалось плохо, её слёзы не давали думать ни о чём другом. Было стыдно и почему-то сладко...

Мы пьём кофе и разговариваем. На улице дождь, и от этого не хочется уходить. И не только от этого. Мне хорошо. Мне очень хорошо! Но это было ненадолго, как выяснилось...

Настя смотрит в телефон и говорит:

– К нам сейчас моя сестра присоединится, ты не против?

– Сестра? Ну ладно...

Через пару минут она заходит, и я теряю дар речи. Это Рита. Мы с ней расстались несколько лет назад. Ну хорошо, не расстались – она меня бросила безо всяких объяснений...

– Привет! О, привет неудачникам!

Я втягиваю голову в плечи – не ожидал такого. Настя не удивлена – видимо, она меня узнала раньше.

– Привет.

Они с минуту шепчутся, Настя сначала качает головой, потом кивает. Они встают, прощаются и уходят.

Настя оборачивается:

– Прости, пожалуйста! Надо идти.

Провожая их взглядом.

Интернет

На планерке шеф обрадовал всех: теперь он будет отслеживать объем интернет-трафика каждого отдела компании и наказывать самых активных пользователей:

– Мы – транспортная компания, а не интернет-салон, так? Конкретные сайты пока смотреть не буду, не переживайте, – посмеиваясь в усы, успокоил он.

Вручая Петрову распечатку на его финансовый отдел, шеф нахмурил брови:

– Что-то у вас большой этот, как его, трафик. Ты, Петров, разберись там, не порядок.

– Хорошо, Иван Иванович, разберемся.

– Вот и ладно. Завтра доложишь.

Работать больше в этот день Петров не мог. Сидя в своем кабинете, обводил взглядом сквозь стеклянную перегородку своих сотрудников, точнее, в основном сотрудниц и гадал: «Кто же это сидит в интернете? Ну не главбух же, не Лариса Петровна – она и не знает, наверное, как им пользоваться»... Перевёл взгляд на секретаршу: «Леночка? Эта может, конечно, всё время кажется, что она недостаточно загружена, всё хихикает и глазки строит Николаю Ивановичу, второму и последнему мужчине в отделе»...

«Хм, Николай Иванович? Тоже возможно. Как ни подойду к нему, у него всё сайт магазина „Рыболов“ открыт,

еле успеваешь закрыть, заметив моё приближение»... Решено, точно он.

– Николай Иванович, зайди-ка.

Тот немного удивлён, садится напротив на кончик стула:

– Так мы еще не закончили отчёт...

– Да я не об этом. Тут нам сигнал поступил, что наш отдел злоупотребляет...

У Николая Ивановича округлились глаза:

– Так я же завязал! Вот как мы с вами на рыбалке мотор лодочный утопили, больше ни-ни! – оправдывался он.

– Да не этим, это-то я знаю, – отмахнулся Петров и погрузился: то был ЕГО мотор.

– А чем тогда? – расправил плечи.

– Интернетом. Твоя работа, признавайся?

На лице Николая Ивановича возникло отражение некоей внутренней борьбы. Наконец, вздохнув, ответил:

– Так это для вас же!

– Как так? Что для меня?

– Ну интернет. У вас же день рождения на следующей неделе, вот тётки... женщины и пристали: выбери, Иваныч, ты что-нибудь для рыбалки. Вы же рыбалку любите – вот я и ищу...

Петрову стало неловко, его одутловатое лицо покрылось пятнами:

– Да... Прости, Иваныч, не знал я...

– Да ладно...

– Подарок-то выбрал?

Вместе полюбовались новым спиннингом, повздыхали.

Наутро зашел к шефу, покашливая в кулак, опустил голову:

– Иван Иванович, там Григорьев, ну Николай Иванович, накосячил, но он не виноват!

– А кто виноват? – шеф удивлён.

– Получается, я. Точнее, для меня старались, подарок мне на день рождения выбирали...

– Вот оно что! – усы шефа растянулись в улыбке.

– Точно, – подтвердил Петров.

Шеф закурил, посмотрел на него и придвинул ему какие-то бумаги:

– Я тут наших компьютерщиков попросил, мне полную распечатку трафика дали... Так это не Григорьев.

– Да? А кто же?

Шеф выпустил дым и сказал, глядя прямо в глаза и не мигая, так что даже усы замерли:

– Ты.

– Я???

О себе Петров как-то не подумал.

Золушка

Ночной звонок взорвал тишину, и Рита почему-то сразу поняла: что-то случилось.

– Дедушка умер, – коротко сказала тётя Зина.

Вот и всё... Последний родной, близкий человек ушел вслед за родителями, которые погибли в автокатастрофе десять лет назад... И опять сообщила об этом ей та же тётя Зина, дедушкина домработница и сиделка.

На старой дедушкиной даче, куда все приехали после похорон, куда-то исчезли покой и умиротворение, хотя дом, сосны и старый генеральский посёлок у платформы с соответствующим местом названием «Отдых» были на месте. По дому сновали незнакомые люди; неужели тётя Зина уже начала распоряжаться домом? Это было неприятно, хотя понятно было, что дом достанется по завещанию ей, такова была договорённость в обмен на то, что она ухаживала за дедушкой в последние его годы.

Перед поминками должны были зачитать завещание – учитывая дедушкины заслуги, а главное, что нотариус был его близким другом, в качестве исключения он делал это на выезде, а не в нотариальной конторе, как обычно. Хотя это было формальностью, всё равно было любопытно, как дедушка распорядился своим имуществом разной степени ценности; а особенно интересно было посмотреть, как

родственники отреагируют на полученное (или не полученное) наследство. Все собрались в гостиной, нотариус в очках с тонкой оправой откашлялся и начал читать завещание. Как и ожидалось, дачу дедушка завещал Зине. Настал черёд московской квартиры родителей Риты, записанной на дедушку, в которой они жили втроём, кроме нечастых отъездов дедушки на дачу. Все встрепнулись, когда оказалось, что она тоже досталась тётё Зине, а не Рите, как ожидалось.

Стало тяжело дышать; ослабила повязанный вокруг шеи пёстрый платок, купленный в магазине second hand. Она такие надежды возлагала на эту, хоть и небольшую, но в мыслях уже свою собственную квартиру! Причём дело даже не в самой квартире, а в том, что там бы не было Зины: та чувствовала себя там совершенной хозяйкой, особенно в последние месяцы, когда дедушка совсем слёг и уже не мог ограничить Зинин произвол. И она разошлась: запретила Рите водить друзей, ссылаясь на шум, который может помешать дедушке; цеплялась по поводу неубранных вещей или невыброшенного мусора, бесцеремонно заходила в комнату Риты, чтобы что-то взять или просто без повода. Рита как-то робко заметила, что это её квартира, а не Зины, на что та с противной улыбкой сказала: «Не твоя, а дедушкина. А за дедушку отвечаю я. Поняла, Золушка?» Всё это мгновенно пронеслось в голове Риты.

– Как? – вырвалось у неё.

– Что «как»? – передразнила Зина своим базарным гул-

ким голосом и победоносно посмотрела на присутствующих.

– Но она же... Дедушка же говорил...

– «Говорил, не говорил», – опять передразнила та, – ты ему кто? Внучка, почти никто. А я (последовала пауза) – практически жена!

Присутствующие зашумели, поднялся гул.

– Какая жена??? – из последних сил спросила Рита. Она не была хапугой, и вести этот разговор было противно, но от неожиданности хотелось во всём разобраться.

– А такая. Почти настоящая. Вот, смотри, – и вытащила какую-то фотографию, всучила Рите в руки.

Нотариус поднял брови, но профессиональная сдержанность не дала ему вмешаться.

На фотографии был дедушка, обнимающий Зину.

– Нет! Не может быть! – прошептала Рита.

Стало как-то обидно за дедушку, такого выдающегося во всех отношениях человека, который непостижимым образом сошёлся с недалёкой, вульгарной, да и некрасивой Зиной. Да так, что никто и не знал. Это был шок для всех присутствующих.

Нотариус, старый дедушкин приятель, всё-таки не смог сдержаться, и спросил:

– Позвольте, Зинаида... эээ ...Васильевна, я вас правильно понял, что вы утверждаете, что состояли с покойным в... отношениях?

– Ты что, тупой? – она перестала церемониться, – конеч-

но, состояла.

– А кроме фотографии, вы могли бы чем-то ещё это подтвердить?

– Почему это я должна это подтверждать?! – вспыхнула Зина, а нотариус продолжал:

– Например, какие-то особые приметы на теле, родинки, шрамы...

– Не было у него никаких примет и шрамов, – отрезала она.

Рита подняла голову и удивлённо посмотрела на Зину и на нотариуса.

Нотариус удовлетворённо кивнул и продолжил:

– Прошу внимания, продолжаем. Это напрямую к делу не относится и сути завещания изменить не может.

– За что же ей квартира? – спросил кто-то из гостей громко.

– Этого я не знаю, – сухо ответил нотариус, – продолжим.

– Да что там продолжать? – спросил тот же голос, – ложки-вилки делить?

– Я ещё не закончил. Маргарите Михайловне, – он посмотрел на Риту, – завещан...

Он сделал паузу и поднял глаза на присутствующих. Кто-то сострел:

– Чайник?!

– Земельный участок с домом близ города Усти-над-Лабем Устецкого края Чешской республики.

Наступила тишина, было такое ощущение, что присутствующие перестали дышать.

– Это шутка такая? – спросил кто-то.

– Моя профессия к шуткам не располагает.

– А откуда это? Откуда земля, дом? При чём тут Чехия??? – Рита обрела голос.

– Если кратко, родители покойного были родом из известного чешского рода, и владели в Чехии, тогда бывшей частью Австро-Венгрии, порядочным богатством, включая землю и старинное поместье. Его отец, офицер, участвовал в Первой мировой войне, естественно, на стороне Австро-Венгрии, попал в русский плен. Добровольно вступил в чехословацкий корпус в составе русской армии. После революции вместе с корпусом направился во Владивосток для эвакуации, был вынужден отбиваться от намеревавшихся разоружить их красноармейцев. Был ранен и оставлен под Иркутском на попечение семьи местного врача, который выдал его за своего пропавшего в войну сына, что для окружающих объясняло его образованность, а русским он с детства владел в совершенстве благодаря русской бабушке. Чудом выжил. Женился на приёмной дочери врача, которая и выходила его после тифа. Вскоре родился дедушка. Ну а дальше – в Чехии была проведена реституция, дедушку нашли какие-то его дальние родственники, и он получил то, что принадлежало его предкам.

Это казалось насколько невероятным, даже сам факт при-

надлежности к древнему роду. А уж целое поместье – ну не бывает так! Присутствующие были ошеломлены, все без исключения. А Зина, казалось, просто оцепенела; полученная дача и квартира её уже не радовали, она просто забыла про них. «Негодяй», – шептала она.

– У меня ещё одно сообщение и несколько распоряжений о более мелком имуществе. Покойный просил довести до сведения присутствующих, что Маргарита Михайловна, удочерённая им после трагической смерти её родителей, была в свою очередь ими удочерена из детского дома в возрасте одного года. Это никак не влияет на действительность завещанных ей активов; воля покойного была такова, чтобы сообщить об этом после его смерти.

Зина сразу очнулась:

– Самозванка! – Её глаза были выпучены, она поднялась и тяжело дышала, – ты это не заслужила! Ты ему никто! Откажись, ты не имеешь права!

Она потеряла голос и взвизгнула.

Нотариус поднял руку и негромко попросил:

– Позвольте закончить. Покойный также просил сообщить, что настоящая фамилия Маргариты – Самолётова.

Зина вздрогнула, лицо её побелело.

– Как? – прошептала она.

Без сил опустилась на стул:

– Рита, поди-ка сюда да воды дай мне.

Рита села рядом.

– Ты когда родилась?

– 31 января 1990-го. А что?

– О, Господи, – завывала Зина и стала вытирать слёзы тыльной стороной ладони.

– Да что случилось-то? – спросила Рита.

Зина всхлипнула и сказала:

– Как же я перед тобой виновата!

– Да не переживайте вы из-за квартиры, значит, так девушка считал правильным.

– Да какая квартира, при чём тут это! Ты... ты – дочка моя... – и вновь залилась слезами.

– Как дочка? Меня же из детдома взяли...

– Так я тебя туда и отдала, прости Господи... молодая была, глупая, без денег почти, и Мишка, отец твой, сбежал сразу, как узнал о беременности... Прости, дочка...

Рита выбежала из комнаты.

Нотариус подошёл к ней, взял за локоть и сказал:

– Пойдём, дочка, довезу тебя, заодно всё расскажу.

Когда они отъехали, он продолжил:

– Да, дела... Кстати, по поводу Зины, то есть мамы, – я видел, как тебе было неприятно слышать про неё и деда. Так вот, это неправда. Ты же знаешь, что у деда был заметный шрам на всю грудь, когда на учениях граната взорвалась недалеко от него. А Зина сказала, нет примет. Не переживай.

В чешском доме на столе под стеклом Рита увидела клочок бумаги, развернула с трепетом. Короткая записка от де-

да: «Родная моя Рита, надеюсь, мне удалось сделать для тебя небольшой сюрприз. Прости, что пришлось отдать квартиру Зине – иначе она бы тебя съела. Будь счастлива, ты моя самая родная на свете!»

В первое утро в качестве владелицы дома она встала почти с рассветом, раздвинула шторы, открыла окно и вдохнула сладкий весенний воздух. Весна была в разгаре, не мимолетная московская весна, за две недели переходящая из зимы в лето, а настоящая весна, уже тёплая, но не жаркая, уже без снега, но ещё только с начинающими появляться листочками.

«Вот и стала Золушка принцессой», – сказала она себе.

Свадьба

Вася, продавец сантехники и по совместительству жених, говорит тост:

– Дорогие мои! Спасибо за ваши подарки и поздравления! Так приятно видеть вас за этим, пусть и небогатым (мать невесты поднимает голову, это её дом и её стол), но дружным столом! У нас для вас новость!

– Ой, неужели уже беременная? – с замиранием сердца Васина мама шепчет сидящей рядом маме Тани.

Та отмахивается:

– Да с чего бы?

– Как с чего???

Вася продолжает:

– Мы с Таней сразу решили, что свадьбу сыграем, только когда будет своё жильё.

Люся, подруга невесты, эффектная, уверенная в себе, встаёт с бокалом в руке, немного пьяна:

– Васька, да ладно, откуда у тебя жильё-то?

– Пришлось повкалывать (Васина мать вздыхает), Таня учеников брала – вы же знаете, она педагогический заканчивала, а то в её ДЭЗе не озолотишься... Я в выходные выходил, в вечернюю, коллег подменял, когда нужно было, продавцом года стал. Премию даже за это получил...

– Премию? – Люся ревниво разглядывает Васю.

– Так вот. Мы смогли достаточно отложить, родители помогли, для первого взноса хватило – мы купили квартиру!

Несколько человек ахают, кто-то радостно, а кто-то от неприятного удивления.

Вася продолжает:

– Хоть и ипотека, но ничего, расплатимся. Двушка!

Люся на глазах трезвеет, теребит бокал, примериваясь, куда бы его пристроить:

– Васька! А что же ты, скотина ты этакая, когда я с тобой маялась, на квартиру не заработал, а, сукин ты сын?

– Люся, угомонись. Я давно уже откладывал, еще когда с тобой был (Таня недоуменно смотрит на новообретённого мужа, потом на подругу), сначала хотел тебе сюрприз сделать. Но ты не дождалась сюрприза, ушла...

– Что же ты не говорил, подлюка? Да если бы я знала, что ты на квартиру копишь, да разве ж я от тебя ушла???

Васин отец, Сергей Иванович, встал, взял Люсю за локоть:

– Люська, а ну, тихо! У людей свадьба, после договоришь... Если Васька захочет.

Люся улыбается, облизывает губы:

– Конечно, дядя Серёжа, захочет, куда он денется. Ты же вот тоже на прошлой неделе захотел, не забыл ещё?

Тот от неожиданности как будто поперхнулся, отдернул руку и замер без движения под взглядом жены.

Танина мама прикрикнула:

– Цыц, Люська! Васька, пусть замолчит, скажи ей!

Сидящий рядом Миша, Люсин молодой человек, отвернулся, как будто он тут ни при чем. Его удивлённая добрая улыбка как будто извинялась за всех.

Через час гости разошлись. Таня, обычно добродушная, но сейчас напряжённая, подошла к Васе:

– Вась, а Вась... У вас и правда с Люськой было? А я-то не знала, вот дура, зачем пригласила её...

– Таня, Танюша, да не было ничего серьёзного, ты же сама видишь, бросила она меня...

Он прижал её к себе и поцеловал. Она сразу успокоилась.

Люська уже собралась уходить от своего бессловесного Миши, решила, нужен кто-то более солидный: «Может, милиционер?» – мечтала она. И, бывает же такое, через несколько дней Миша робко сказал:

– Люся, сегодня узнал: хорошо экзамены сдал, так что меня приняли в Университет МВД. Буду учиться на полицейского.

Люся ласково посмотрела на него и ничего не сказала. Она ещё дождётся своего счастья, раз её просьбы услышаны.

Дача с перерывом на любовь

– Лёш, а Лёш!

– А?

– Я клубнику собрала!

– Ты моя умница...

– Ты что делаешь?

– В танчики режусь! Сейчас мы их...

– Лёш, помоги хотя бы очистить её от хвостиков, умаялась я её сама собирать...

– Щас, Кать, доиграю, чуть-чуть осталось...

Фух... Наконец-то! Сколько же мучений с этой клубникой: на зиму прикрыть от холода соломой и опилками, потом бесконечные прополки, рыхления и полив – уже сил не было смотреть на эти грядки! Собрать – тоже пришлось корячиться, но тут хотя бы виден результат. Даже есть её уже не хотелось – пустила всю на варенье, будет с чем зимой чай пить. Жаль, этот бездельник Лёха не помог ничем, всё пялится в свой новый планшет, не оторвать... Ну и пусть – всё равно я молодец!

– Ну всё, мы их победили! Где там твои хвостики?

– Что-то ты быстро пришёл...

– Ой, ты что, уже всё сделала?!

– Да вот, не дождалась своего танкиста...

– Какая же ты у меня умница! И варенье уже поставила варить... Катюша, как же мне с тобой повезло! Что бы я без тебя делал!

– Правда?

– Конечно! Ты же у меня настоящая хозяйка!

– Да ладно, – засмушалась.

– Иди-ка ко мне, моя хозяйюшка...

– Лёш, а Лёш!

– М?

– Ты меня любишь?

– Угу.

– Что «угу»?

– Люблю, – обнял и прижал к себе.

– Подожди, – она отстраняется, – что значит «люблю»?

Как любишь?

– Сильно! Сейчас ещё раз покажу, как, – и он громко засмеялся.

– Да перестань, я же серьёзно!

– Так и я серьёзно!

– Ну вот ты бы меня любил, если бы я располнела?

– Располнела? – Лёша приподнялся на локте и серьёзно посмотрел на её голое тело. – Сильно? Если не сильно, любил бы.

– А если сильно??? – у неё от ужаса округляются глаза.

– Тогда нет. Ну сама посуди, зачем мне толстушка? – говорит, поглаживая свой немаленький живот. – Я бы тогда к Люське ушёл.

– Что?!

– Да шучу я, шучу...

– Ребята! Лёша, Катя! Стучу, стучу, чего не открываете?

– Ой, Галина Петровна, здравствуйте! А мы не слышали.

– А ты чего такая растрёпанная? Спали, что ли?

– Да нет, – Катя краснеет.

Галина Петровна удивлённо смотрит на неё, брезгливая гримаса на мгновение показывается на лице.

– Я вам скатерть новую принесла, на вашу-то совсем невозможно смотреть.

– Да не надо, мама, – вступается Лёша, – нормальная у нас скатерть!

– У тебя что, глаз нет? Какая нормальная? А что же у вас так грязно? Пол месяц, небось, не мыли? А плита – Катя, сама, что ли, не видишь? И вообще, когда уже обои поменяете, ну стыдно уже!

– Да нормально у нас, – привычно оправдывается Лёша, – Катя вчера прибиралась.

– А что это вы, варенье варите?

– Да.

– А почему газ такой сильный? На таком нельзя варить.

Лёша не выдерживает:

– Мама! У тебя же молоко на плите!...

– Ой, бабушки! Ну, я побежала...

Грузинский таксист

Сажусь в такси в аэропорту Тбилиси, называю адрес. Водитель, пожилой грузин с хитрым носом, спрашивает меня:

– Сколько?

– Что сколько?

– Сколько платишь?

– У вас же должен быть тариф, вы же официальное такси!

Ну, раз спрашиваете, говорю: поеду за 15 лари.

– Вай, какой 15 лари, у нас тариф 25!

– Так что же вы у меня про цену спрашиваете? В общем, дороже, чем за 15, не поеду.

– Вай, откуда такой цена, а?

– Меня в прошлый раз за столько везли.

– Так это кто вёз? Ладно, давайте 20.

– Хорошо.

Поехали. Таксист ёрзает, не может успокоиться, говорит:

– Так дешёво едем, ой!

Я взрываюсь:

– Слушайте, вы, со своими тарифами! Если вы официальное такси, так какого чёрта в предыдущий раз с меня взяли 40?

Он хитро улыбается:

– Надо было тарифы читать, всё написано.

– Но от официального такси я ожидаю честности! Я вас

потому и взял, что рассчитываю, что всё чётко, а вы себя ведёте не как гостеприимные грузины, а как враги какие-то!

Он не согласен:

– Но у вас в Москве тоже могут, сколько хочешь, взять.

– Да не могут! Все официальные берут по тарифу.

– Ну, в 90-е не так было...

– У вас в 90-е тоже всё не так было! Я же про сейчас говорю...

Молчим. Что-то бормочет про высокий план, что всю ночь работал, и я его последний заказ.

Я никак не могу прийти в себя:

– Вы же христиане, в конце концов, свои!

– Ой, давай не будем про христиан, а то слишком долго придётся спорить...

– Вас же русские любят, Грузию любят, как можно так относиться!

Он наконец немного смущается, опять бубнит про высокий план, но уже миролюбиво. Переводит разговор, показывает достопримечательности, мимо которых проезжаем.

Расстаёмся товарищами, плачу ему по тарифу. Он долго отказывается, но берёт, тепло благодарит.

Моя Грузия

Сажу на тёплом камне на вершине древнего города близ Гори. Солнце прогревает и не даёт порывистому ветру, царящему здесь и порой сбивающему с ног, полностью захватить власть. Внизу течёт Кура, стремительная, ещё не растерявшая свои горные силы. На берегу – развалины древних жилищ, пасущиеся лошади и коровы, похожие на игрушечные фигурки. Вдалеке, на горизонте, поднимаются горы – отсюда они уже видны. Подо мной – остатки Великого шелкового пути. В голове звучит «Грузинская песня»: она часто здесь ко мне приходит. Я как в нирване: мыслей нет, есть только ощущение красоты, спокойствия, нежности и любви – к тебе, кто незримо со мной всё время рядом, к окружающему меня пейзажу, к Грузии в целом и к её людям...

Перед глазами проходят яркие картины моего знакомства с этой страной.

Вот мой первый день здесь. Я приехал утром и весь день брожу пешком по городу. Уже тогда я почувствовал тебя, Тбилиси: шагая вдоль пыльных бульваров, сворачивая в узенькие, неухоженные и этим милые улочки с потрескавшимся асфальтом и повседневной жизнью горожан во дворах. Поворот – и как перевернулась страница: открывает-

ся вид на город со стороны древней церкви Метехи. В саду при церкви поют птицы и цветёт сирень. Потом я узнаю, что на этом месте была тюрьма, где сидел Сталин. Хорошо, что её сломали. Я прохожу через самый центр, опять словно по парижскому бульвару; начинается дождь, и я захожу в кафе, совмещенном с магазином одежды. Пью вино с сыром и кофе; как же это гармонирует с местом, где я нахожусь. Мысль о пиве даже не приходит в Грузии в голову. Захожу в несколько церквей, древних, как старухи, сидящие перед их входами.

Я перехожу через новый пешеходный мост, весь в стекле, и попадаю в парк. Древняя крепостная стена, подпирающая теперь дома и дорогу наверху, и на её фоне футуристическая стеклянная конструкция в виде лежащего на земле двойного рога – концертный зал. В парке почти никого, только целующиеся парочки. Думаю о тебе, стараясь обходить их.

Вечером захожу в ресторан на высоком берегу реки с видом на Куру, центр города, видны церковь Святого Николая и крепость Нарикала на вершине холма. Сажусь в углу, медленно наслаждаюсь грузинским овощным салатом с пряными травами, сулугуни, вином; слушаю живую музыку и смотрю по сторонам. Большие компании, в основном семьи. В зале шумно и ароматно: все возбуждены, говорят громко, жестикулируют и смеются. Грузный, но обаятельный певец, периодически вытирающий пот со лба, начинает тихо петь.

Сначала его не слышно, но шум постепенно стихает, вступают его товарищи, и божественное многоголосие грузинской песни разливается по залу. На глазах сидящей за соседним столиком женщины с красивой брошью в виде цветка видны слёзы.

Но вот начинается новая песня, живая и задорная. Многие начинают приплясывать, сидя за столом, а соседка, кончиком пальца утерев слезу, выскакивает на середину зала и начинает танцевать. К ней присоединяются ещё несколько человек. Явственно чувствуется ощущение счастья: и на лице танцующих, и на лице сидящих за столами их спутников. Я тоже чувствую его...

В один из вечеров выдаётся ясная погода, и я поднимаюсь на фуникулере на гору, чтобы встретить закат. Сижу, освещённый заходящим тёплым солнцем, наслаждаюсь вином и видом города внизу, и кажется, что-то важное открывается мне в эти минуты.

На винодельне её владелец Яго делает вино по древнейшей в мире технологии, в огромных глиняных кувшинах, закопанных в землю. Он горд собой, но не заносчив, когда рассказывает о своём хозяйстве. Мы пробуем белое вино, потом красное, потом пьём на брудершафт (вахтангури по-грузински), запиваем крепкой чачей, а опьянение так и не приходит, его заменяют радость и спокойствие.

Грузины говорят, что, если не посетить грузинские сер-

ные бани, можно сказать, что не был в Грузии. Поэтому, преодолевая стыд, мы заворачиваемся в простыни, как римляне в тоги, а потом разоблачаемся и сидим в купели в серной воде, в которой, кажется, можно было бы сварить раков. Нас не предупредили, а мы не подумали о воздействии серной воды на серебряные изделия, поэтому моя серебряная цепочка стала по цвету золотой, а серебряный же крестик приобрел благородный синий оттенок.

Грузины, с которыми мы общаемся, все как один вежливы и приветливы, даже мальчик на стойке администратора нашей гостиницы, который не может решить простые бытовые вопросы и на которого из-за этого все ругаются, или таксист с хитрым носом, доказывающий мне, что взять с меня в официальном такси вдвое больше тарифа вполне можно и не противоречит ни закону, ни понятиям грузинского гостеприимства, ведь тариф вывешен на стоянке такси, и я вполне мог с ним ознакомиться.

Я покупаю вино в аэропорту и опять слышу это проникающее в душу мужское многоголосие. Продавщица показывает глазами куда-то вбок; я смотрю туда и вижу пятерых грузин, сидящих за столом в соседнем ресторане и поющих. Они в костюмах, серьёзны и подтянуты, радостны и торжественны. Я иду по аэропорту, а музыка всё звучит в моей голове; кажется, я взял её с собой.

Я вернусь, моя Грузия!

Чемодан

Оказывается, у чемодана было двойное дно...

-нетсорпСразу-то он, конечно, этого не заметил. Искал кий подержанный чемодан на Авито, чтобы перевезти и хранить на даче самое ценное: записи, дневники. Мебели там было мало, шкафов не было, а переехать очень хотелось. Город стал невыносимым, а теперь и ненужным, когда он решил наконец уйти с работы (хорошей, кстати, работы) и в тишине дачной обстановки подумать о жизни, о будущем, а заодно привести в порядок заметки и, возможно, написать наконец что-то более значительное, чем короткие рассказы, которые писал до сих пор.

-немиКогда увидел этот чемодан, сразу понял, что купит но его: добротный, со скруглёнными углами, коричневый с благородными потертостями по бокам, с массивной ручкой... Тяжёлый наверняка, но это не важно.

-евОткрыл его, и запах прошлого (или позапрошлого?) ка окутал комнату. Приготовил стопки тетрадей и дневников, переставил чемодан поближе и вдруг почувствовал, что внутри что-то двинулось. «Странно, там же пусто», – открыл, проверил все отделения – ничего. Пошевелил, и точно: между бархатной подкладкой и днищем что-то перемещалось. С краю подкладки увидел почти незаметный шов. Сердце почему-то застучало. Распорол его, под подкладкой

обнаружилось подвижное дно, а под ним нащупал тетрадь.

Открыл и зажмурился, не веря глазам. Посмотрел ещё раз, сомнений быть не могло: это её почерк, и её сердечко внизу страницы; такие она ставила в конце каждой своей записки ему. Это был дневник Кристины. Хотя они расстались лет десять назад, ровные строчки родного почерка как будто вернули его в то время. И уж точно теперь он знал то, о чём догадывался и в чём боялся себе признаться себе всё это время: он всё ещё любил её...

-ечопТысячу раз он задавал себе впоследствии вопрос, му же они расстались. Когда это произошло, сначала казалось, это временно, потом уехал учиться в Москву, новые знакомства притупили воспоминания о ней. А потом постепенно стало накатывать сожаление, и чем дальше, тем чаще. Может, дело было в его эмоциональном взрослении, а может, встречаясь и потом расставаясь с очередной девушкой, он чувствовал: «Опять не то... Вспомни лёгкость, единение и понимание, которые были с ней»... Оглядываясь теперь назад, он понимал, что искал всё это, и не находил.

Долистал до последней записи, прочитал, замер. Слезы остановились в глазах и вдруг закапали на строки, вызвавшие их. «Сегодня расстались с Сергеем... Господи, как же тяжело! Растерянность в его глазах прошла, только когда я сказала, что это временно, что нам нужна пауза, чтобы всё осмыслить. Как жаль, что я не могу сказать ему всё, как есть: про болезнь мамы, что к ней надо ехать, чтобы ухаживать

какое-то время. И про то, как же сильно я его люблю... Нет, нельзя – сразу всё бросит и примчится, но зачем ему это? Пишу и плачу, как же хочется, чтобы всё у него было хорошо...»

Найти её оказалось проще, чем думал.

– Кристина?

– Сергей???

– Сможешь выйти? Я рядом.

– Как?!

– Я люблю тебя...

Человек под зонтом

Зашуршал за окном дождь; я открыл окно и вдохнул полной грудью его влажный озоновый запах. Дождь усилился, и вот уже появились пузыри на вновь образовавшихся лужах, обещающая нескорое его прекращение.

Внимание моё привлекла нескладная фигура человека с зонтом; я даже не сразу понял, почему человек идёт неровно, зигзагами, и периодически останавливается. Потом я разглядел огромного плюшевого медведя в руках у молодого человека; было видно, что того больше беспокоит судьба игрушки, чем его собственная, так как свой оранжевый зонт с надписью «Чайф» и со сломанной спицей он нёс над медведем, а не над собой, а всё плечо и рука безнадежно промокли. Нести игрушку было, видимо, не удобно, в пакет «Боско» она целиком не помещалась, поэтому парень всё время её перехватывал и при этом неловко наступал в лужи, оставляя потом мокрые следы, проходя по сухой части асфальта под деревьями.

Он дошёл до остановки и подошёл к тоненькой девушке под красным зонтом. Было видно, как он показал ей медведя, забылся и отодвинул зонт, отчего дождь намочил голову игрушки. Девушка, заметив это, шагнула вперёд и стремглав накрыла мишку своим зонтиком, а свободной рукой обняла молодого человека. Они замерли, стоя втроем, обнявшись,

не замечая дождя, порывов ветра и ничего другого вокруг.

Дождь прекратился так же внезапно, как и начался. Неожиданно выглянуло солнце, ветер стих, и о дожде напоминали только мокрый асфальт, лужи и капли, падающие с деревьев. Пара с медведем всё стояла. Потом парень отодвинул зонт, и оба круга, оранжевый и красный, исчезли так же внезапно, как и сам дождь. Остались только девушка, парень и мишка, которого они придерживали, продолжая обниматься.

Морская прогулка

– Ребята, всё, расходимся. Завтра рано вставать.

– Почему?

– Вы что? Мы же идем в море на Мишиной яхте!

– Точно! Обязательно идём.

– Миша сказал, будет сюрприз. Да, Витя, ты же придёшь?

– Собираюсь вроде...

– Обязательно приходи, Миша очень просил. И Соня вот придёт.

– Ладно... А при чём тут Соня?

– Да нет, ни при чём.

Отплыли рано, почти как планировали. Все допытывались у Миши, что за сюрприз он приготовил, тот отшучивался. Когда берега уже почти не было видно, достал шампанское, открыл, разлил всем:

– Друзья, хочу выпить за двоих моих самых близких людей: мою любимую Соню и моего лучшего друга Витю. Станьте здесь, поближе, – они подошли к корме, куда он указал, – а вы все доставайте телефоны и начинайте снимать, я приготовил для них сюрприз.

Началась съёмка, Витя и Соня стояли удивлённые, и, как и все, ждали развязки. Миша продолжал:

– Хочу вас поблагодарить обоих за верность – Соню как

мою любимую, а Витю как друга. Обнимитесь, не стесняйтесь. Обнимайтесь давайте, не в первый же раз, да, Соня? Да, Витя? Ну и сволочи же вы оба!

И резким движением столкнул обоих в воду. Те погрузились под воду, выплыли. Не глядя на них, Миша сказал устало механику:

– А теперь домой. Круги этим бросьте.

Случайная встреча (Много лет спустя)

– Дмитрий Владимирович, можно?

– Да, Зиночка, что там?

– Вот еще одно резюме пришло из агентства... На позицию начальника отдела информационных технологий.

– Принтанула? Давай.

– Пожалуйста. И фамилия такая редкая: Семицветов.

– Как? Семицветов?!

– Да. Наверное, красавчик...

– Это почему?

– Ну, раз такой, с цветочками...

– А... – посмотрел на секретаршу пристально, скользнул взглядом по новым часам (IWC, между прочим!), которые купил только на прошлой неделе во время командировки в Женеву. Вспомнил поездку, и глаза затуманились. И поездка удалась, и контракты новые заключили, будет теперь и у нас продаваться этот новомодный чудо-крем, который якобы кожу молодит на самом деле, не то что вся остальная ерунда. Спрос есть, продавай не хочу, сарафанное радио рублевки и прочей элиты свою работу делает.

Опомнился, потянулся:

– Надо же, у меня же одноклассник был с такой фамили-

ей... Дружили даже... Пока он... Пока я...

– Да?! Я думала, такая фамилия одна только... В смысле, человек один.

– Ха, фамилия одна, скажешь тоже. Зинка, говорю тебе, иди учись, зачем институт бросила? Учение – сила!

– Зачем мне, Дмитрий Владимирович? Выйду замуж за Петьку, детей нарожаю, буду хозяйством и детьми заниматься – когда работать-то?

– Хм. А Петька тебя прямо замуж берет?

– Ну, ещё не предлагал, но предложит, он же любит меня...

– Да? По-твоему, все, кто говорят, что любят, женятся? Откуда вот ты знаешь, что он тебя любит?

– Ну, он меня в кино водит...

– На боевики свои? Так он их больше, чем ты, любит. Это он себя водит, а не тебя! Ох, не знаю, Зинка, не моё дело, конечно, но как-то ты к жизни своей относишься... Легкомысленно, что ли. И потом, допустим, женитесь, дети там, всё такое и прочие ИКЕИ. А ему с тобой интересно будет? Он с тобой говорить о чём будет? Куда ходить вместе? Он, конечно, тоже не Эйнштейн, но хотя бы выучился, работает, повысили вот его недавно... Стремится к чему-то, в общем. А ты?

– Вам-то конечно, медаль-универ-работа, всё как по маслу, не всем так дано...

– По маслу?! Ничего себе. Ладно, впрочем, потом догово-

рим, масло там или другое что... Какого, говоришь, он года рождения?

– Кто?

– Да кандидат...

– 77-го.

– Да??? А зовут как?

– Александр Васильевич.

– Хм, Васильевич? Не помню отчества. Но Сашка???

Не может быть!

– Что, Дмитрий Владимирович?

– Звони ему, сейчас прямо!

– А кофе уже не надо?

– Потом кофе. Сама выпей.

Посмотрел вслед уходящей секретарше, удивлённо помотал головой: «Надо же! Сашка...» Что-то при мыслях об однокласснике заставляло ёрзать, какое-то неприятное воспоминание...

– Алло! Саш... Александр Васильевич? Приветствую. По поводу резюме Вашего звоню, Соколов моя фамилия, из «Кремв России». Когда могли бы подъехать к нам? Сегодня? Прекрасно, жду. Да, секретарь перезвонит вам и все расскажет.

Что же это было? Дружили, долго и хорошо дружили... Вместе читали Купера и потом играли в индейцев, делали факела из тряпок и парафина и бродили по открытому бомбоубежищу... Вместе катались на санках и лыжах зимой, иг-

рали в футбол и купались в пруду летом. Вместе вытаскивали из ледяной воды ещё одного товарища, с которым решили попробовать на прочность тонкий осенний лёд...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.